

— То твоя дремучесть, поди спроси у молодой госпожи Виллы Беглых Облаков, она мне родная сестра! — заявил Чу Лань.

Обитатели Виллы Беглых Облаков, Мин Си с супругой, вели уединенный образ жизни, и люди из мира Цзянху почти ничего не знали о жене Мин Си, а уж о том, есть ли у нее родственники, и вовсе ведать не ведали.

Хэ Шуанцзя схватила Сун Вэньюаня за руку:

— Дядюшка, завтра же я велю им убираться.

Заметив, что отношение Сун Вэньюаня смягчилось, Чу Лань торопливо добавил:

— Не переживайте, о ваших делах мы никому ни слова не скажем, клянемся! К тому же, ты — женщина незамужняя, а он — вдовец. Хотя ваше положение и идет вразрез с приличиями, я человек широких взглядов.

Лицо Чу Ланя слегка порозовело.

— Только... девушке все же подобает быть чуточку скромнее, так она будет больше нравиться.

Проследив за взглядом Чу Ланя, Хэ Шуанцзя заметила, что все еще сжимает запястье Сун Вэньюаня. Ее щеки вспыхнули, и она тут же отдернула руку, попытавшись оправдаться:

— Ты всё не так понял, я всего лишь принесла кое-какие вещи в дядюшкин внутренний двор.

Чу Лань сделал вид, что ему совершенно всё равно:

— Да говори что хочешь.

Сун Вэньюань промолвил:

— Раз уж ты из Виллы Беглых Облаков, оставайся-ка пока здесь на пару дней. Шуанцзя, для незамужней девицы селить у себя двух мужчин непригоже, я распоряжусь подготовить для них другой внутренний двор.

Хэ Шуанцзя поспешно затараторила:

— Не нужно, не нужно, пусть живут в пустом дворе по соседству.

Она смертельно боялась, что с этими двумя расправятся без лишнего шума. Раньше Хэ Шуанцзя считала Сун Вэньюаня исключительно мягким и добрым человеком, но теперь и мысли не смела об этом.

После недолгого упорства с обеих сторон Сун Вэньюань наконец сдался:

— Тогда пусть живут по соседству.

Все трое разом выдохнули.

— А не слишком ли грубо с вашей стороны продолжать держать меня связанным? — подал голос Чу Лань.

Сообразив в чем дело, Хэ Шуанцзя поспешно развязала пленника. Чу Лань поднялся на ноги, разминая затекшие суставы, а Сань Вэнь в душе вновь преисполнился глубочайшего уважения к Его Величеству.

Хэ Шуанцзя лично проводила гостей до соседнего двора и лишь после этого удалилась, оглядываясь на каждом шагу.

— Шуанцзя — девица на выданье, гостям жить здесь неудобно, я подберу вам другое место, — произнес Сун Вэньюань.

Вот же подлец! — в унисон подумали Чу Лань и Сань Вэнь.

— Мне приспичило в нужник, — с покрасневшим лицом выдавил Чу Лань.

— И... и мне тоже, — с затаенной мукой на лице отозвался Сань Вэнь.

Вспомнив, что обоим только что пришлось сидеть связанными на стульях, и понимая, что девице вроде Хэ Шуанцзя о таких вещах не скажешь, Сун Вэньюаню пришлось вести их к уборной.

Превозмогая одурманивающее амбре, стоявшее в отхожем месте, Чу Лань оторвал лоскут ткани от одежды Сань Вэня, проткнул ему палец и торопливо вывел несколько иероглифов. Отойдя подальше от зловонного места, оба облегченно вздохнули. Неужели этот Сун Вэньюань и впрямь не нарочно привел их справлять нужду в такую дыру?

Сун Вэньюань и вправду не делал этого специально — то была ближайшая уборная, и пусть в ней пахивало, всяко лучше, чем лопнуть от терпения.

Старый цзунчжу Сын вечно жаждал хаоса на свою голову. Зная, что Эр Вэнь проник внутрь, чтобы отбить пленников, он повсюду таскал его за собой, приговаривая: «Старику просто претит лицемерная рожа этого Хэ Чжаньюу».

Завидев вышедшего Чу Ланя, Эр Вэнь аж засиял и бросился к нему:

— Маленький господин!

Чу Лань пошатнулся, и Эр Вэнь поспешил поддержать его. Чу Лань тут же незаметно сунул ему в руку обрывок ткани. Эр Вэнь был не дурак и тут же бесшумно спрятал комок материи в рукав.

Брови Сун Вэньюаня слегка сошлись на переносице:

— Вы знакомы?

— Разумеется! — Чу Лань хлопнул Эр Вэня по плечу. — Это охранник, приставленный ко мне Виллой Беглых Облаков.

Хотя Эр Вэнь отличался суровостью и прямолинейностью, глупцом он не был. Не понимая, к чему Чу Лань ведет дело, он решил подыграть:

— Моего господина связала и притащила в поместье ваша барышня, я пробрался сюда, чтобы разыскать его.

Цан Чжися тоже вставил слово:

— Вот оно как! А он еще заблудился, и мой дед его отлупил. Впрочем, — взгляд Цан Чжися упал на Чу Ланя, — ты и впрямь человек с Виллы Беглых Облаков?

Чу Лань кивнул так, будто это само собой разумелось:

— Можно сказать и так. Моя старшая сестра вышла замуж за старшего молодого господина Виллы Беглых Облаков.

Цан Чжися моргнул:

— Старшего молодого господина Виллы Беглых Облаков? Выходит, ты прибыл вместе с ним? Почему же я не слышал, чтобы старший брат из семьи Мин упоминал тебя?

У Чу Ланя, Эр Вэня и Сань Вэня внутри всё одновременно оборвалось.

Неужели такое совпадение?!

Старший молодой господин Виллы Беглых Облаков прямо здесь!

Небо решило нас погубить!

Придерживаясь принципа не сдаваться, пока не увидишь гроб, Чу Лань выпалил:

— Я сбежал тайком, сестра с зятем ни о чем не знали. Едва прибыв в город Цинъюй, меня приволокли сюда силой, я и сам еще не знал, что сестра с зятем уже здесь.

— Вот оно как, — прозрел Цан Чжися и слегка покраснел при мысли о той даме под вуалью, что звали госпожой Мин. — Я знаю дорогу во двор старшего молодого господина Мина, хотите,

провожаю вас?

Чу Лань, Эр Вэнь и Сань Вэнь вновь похолодели внутри.

Тут подал голос Сун Вэньюань:

— Пожалуй, для начала позвольте маленькому господину привести себя в порядок.

Чу Лань и Сань Вэнь просидели в покоях Хэ Шуанцзя больше четырех суток. Разумеется, под крышей девичьего терема оба не мылись; Чу Лань даже улавливал исходящий от себя запах пота. Хорошо еще, что погода стояла нежаркая, иначе от него бы уже разлило тухлятиной.

— И то верно, сперва надо искупаться, чувствую себя ужасно.

Потянуть время до встречи со старшим господином Мином значило выиграть хоть какие-то минуты на раздумья.

Сун Вэньюань проводил их в уединенный дворик, где уже стояла приготовленная бадья. Сань Вэнь затворил дверь: сперва нужно было как следует помыться, а уж потом думать обо всем остальном.

Цан Чжися с надеждой уставился на закрытую дверь. Старый цзунчжу уже удалился на отдых, предпочитая не вмешиваться в дела молодежи.

Сун Вэньюань обратился к нему:

— Погуляй пока здесь, а я пойду и извещу об этом молодого господина Мина.

Цан Чжися кивнул:

— Ну ладно.

Чу Лань с головой ушел под горячую воду. Ради карты сокровищ он был готов на всё — какой же император не страдает от безденежья? Его жизнь была горькой, а карманы — поистине пустыми.

Эр Вэнь тем временем развернул простенькую карту и углубился в ее изучение. Чу Лань понизил голос:

— Что ты там делаешь?

— Подчиненный зарисовал карту по памяти, бродя здесь последние дни со старейшиной Цаном, — ответил Эр Вэнь. — Выискиваю путь для побега.

Чу Лань кивнул:

— Ладно. А тубус с сигнальным знаком подготовил?

Эр Вэнь кивнул:

— Не извольте сомневаться, господин, ваш слуга расшибется, но обеспечит вам безопасность.

Чу Лань сразу успокоился. Если они не справятся, у них за спиной оставались дядя-регент и государственный наставник. Если и после этого им не удастся удрать, значит, судьба у них такая — пережить это испытание.

Тем временем Сун Вэньюань вошел во внутренний двор, где Чу Цзюсюй и Цзин У праздности ради сидели среди цветов.

— Молодой господин Мин, госпожа Мин!

Увидев его, Чу Цзюсюй слегка удивился:

— Прошу, садитесь, молодой господин Сун.

Сун Вэньюань опустил на стул за каменным столом:

— Как вам здесь? Уютно ли устроились?

— Вполне. Только вот супруга издавна предпочитает легкую пищу, надеюсь на ваше понимание, — ответил Чу Цзюсюй.

Цзин У бросил на него короткий взгляд, но промолчал.

— Прошу прощения, — заметив бледность на лице Чу Цзюсюя, Сун Вэньюань с усердием изобразил искреннее сожаление. — Это недоработка нашего дома.

— Ничего страшного, — великодушно отозвался Чу Цзюсюй, всем своим видом показывая, будто это не он втайне жаловался на скудность угощений семьи Хэ.

Если уж такой привередливый и слегка страдающий потерей аппетита человек, как Чу Цзюсюй, оставался голодным, можно было представить, насколько несбалансированным было меню в особняке Хэ. А коль скоро недоедал Чу Цзюсюй, Цзин У и вовсе оставался полуголодным — оба последних три дня перебивались впроголодь.

Взгляд Сун Вэньюаня скользнул по Цзин У:

— Младший брат госпожи Мин...

Сун Вэньюань замолк на полуслове, изображая нерешительность.

В голове Чу Цзюсюя в мгновение ока пронеслись десятки мыслей. Он едва знал самого Мин Си,

не говоря уже о его жене, и понятия не имел, есть ли у Минь Я вообще брат. Да даже если бы и был, с какой стати тому быть хорошо знакомым с Сун Вэньюанем?!

Цзин У провел бок о бок с Мин Си и Минь Я два года. Мин Си отличался подчеркнuto холодным нравом и ни капли не походил на Чу Цзюсюя; Минь Я же была девушкой живой и жизнерадостной — они с Чу Цзюсюем являли собой полную противоположность. Супруги Мин не появлялись в мире Цзянху, и знавших их людей можно было пересчитать по пальцам. К тому же Чу Цзюсюй держался холодно и был немногословен, так что Цзин У попросту ничего не говорил об этом. Сам же он никогда не лез в чужие дела, а потому понятия не имел, существовал ли у Минь Я брат.

Сделав быстрые выводы, Чу Цзюсюй обронил:

— Где он сейчас?

Он не стал ни подтверждать, ни опровергать.

Сун Вэньюань же воспринял это как должное, решив, что на Вилфе Беглых Облаков и впрямь имелся такой родственник:

— Маленький господин сейчас моется, скоро он придет засвидетельствовать вам свое почтение.

Чу Цзюсюй мысленно выругался: «...»

С каких это пор этот дядины пасынок знаком с Мин Си?! Никакого почтения мне не нужно, я и так прекрасно поживаю!

Сердце Чу Цзюсюя слегка ёкнуло, хотя на лице не дрогнул ни один мускул.

Голос Цзин У прозвучал холодно и отрешенно:

— Благодарю, что предупредили.

— Не стоит церемоний, — улыбнулся Сун Вэньюань, втайне чувствуя облегчение.

Цан Чжися в сопровождении Чу Ланя, Эр Вэня и Сань Вэня вошел во двор:

— Молодой господин Мин, госпожа Мин!

Чу Лань мысленно выругался: «...»

С каких пор дядя стал Мин Си?! Почему я об этом ни сном ни духом?!

Чу Лань камнем бросился вперед, вцепился в талию Чу Цзюсюя и залился слезами:

— Зятек!

Чу Цзюсюй, внезапно разжалованный в зятя: «...»

Ах ты, паршивец Чу Лань!

Каков малец!

Стараясь не показать виду, Чу Цзюсюй аккуратно отстранил Чу Ланя, чтобы тот не размазывал слезы по его одеждам, и произвел наисерьезнейшее лицо:

— Чего ревешь?

— Ох, зятек, меня заперли в комнате, не давали толком ни еды, ни одежды, житья не было, до чего же я натерпелся!

На лице Сун Вэньюаня промелькнула неловкость — с тем поступком они и вправду переборщили.

Чу Цзюсюй бросил укоризненный взгляд:

— Тебя же не уморили голодом, чего причитать!

Пусть даже он не наедался вдоволь, ел он наверняка больше самого Чу Цзюсюя, так что жалости тот не вызывал ни капли.

Чу Лань мысленно выругался: «...»

Это точно родной дядя?!

Меня что, на помойке нашли?!

Цзин У прервал их:

— Хватит баловаться, мы здесь не дома, не позорь перед господином Суном.

Сун Вэньюань мягко улыбнулся:

— Ничего страшного. Просто не ожидал, что маленький господин так близок с молодым господином Мином.

Чу Лань утер горькие слезы:

— Я уже взрослый, разумеется, больше не могу льнуть к сестринскому плечу.

Цзин У: «...»

Чу Цзюсюй из последних сил сдерживал рвущийся наружу смех.

Государственный наставник, и на вашей улице настал праздник!

В этот момент Чу Цзюсюй совершенно забыл, из-за кого именно Цзин У облачился в женское платье. Истинную суть неблагодарной твари являл собой не кто иной, как сам регент!

Цан Чжися уселся напротив Цзин У, его нежно-белые щеки тронул легкий румянец, и он выглядел до крайности послушным, словно щенок, завидевший хозяина.

Маленький развратник! — мысленно выругался Чу Цзюсюй. — С чего ты взял, что под вуалью скрывается красавица? А ну как там окажется рябая уродина? Посмотрю я, как ты потом выкрутишься!

Сун Вэньюань произнес:

— Шуанцзя повела себя опрометчиво, связав маленького господина и причинив ему неудобства, позвольте мне принести вам свои извинения.

Он уже поднялся и собирался отвесить поклон в знак раскаяния, но Чу Цзюсюй поспешно усадил его обратно:

— Молодой господин Сун слишком строг к себе. Поделом ему, побудет связанным — убавится спеси, пойдет на пользу.

Чу Лань: «...» Ну и родной же дядюшка!

Пусть ему и впрямь не нужны были извинения, но неужели обращаться с ним вот так было правильно?

Зная, что Сун Вэньюань человек умный и проницательный, Чу Лань постарался не задерживаться здесь надолго.

Сун Вэньюань поспешно встал:

— Позвольте мне проводить обоих молодых господ.

Чу Лань не стал возражать, а Чу Цзюсюй предоставил им самим разбираться, тем более что у него у самого имелись дела.

Башня Механизмов.

Во дворе снова воцарилась тишина. Чу Цзюсюй и Цзин У уединились в комнате и извлекли наружу тот самый белый лоскут ткани, который Чу Лань выпросил у Эр Вэня и украдкой сунул им за пазуху.

Чу Цзюсюй: «...»

Ишь ты, подштанники Сань Вэня! Ах ты, крольчонок паршивый, Чу Лань!

А откуда Чу Цзюсюй узнал, что это подштанники Сань Вэня? Спросите что попроще — неужто они могли принадлежать самому Чу Ланю?!

На ткани свежей кровью было выведено пять иероглифов, написанных размашистым, лихим почерком — стоило взглянуть, и сразу становилось ясно, чьих это рук дело.

Кабинет Сун Вэньюаня.

Цзин У принес карту, извлеченную из казенного схрона. На ней был схематично набросан окружающий рельеф; двор, куда прошлой ночью проскользнул человек в черном, принадлежал Хэ Чжаньюу, тогда как покои Сун Вэньюаня располагались южнее.

Глубокой ночью какая-то подозрительная тень скользнула по территории Виллы Красного Клена, заставив Хуа Юньгэ и Цин Юя тут же насторожиться. Закутанный в черные одежды незнакомец в маске озирался по сторонам, с опаской заглядывая в опустевшую усадьбу. Убедившись, что вокруг ни души, он, опираясь на палку, заковылял внутрь. Покинутая всеми вилла выглядела еще более жутко, чем при жизни ее обитателей, ни в чем не уступая обители злых духов.

Добравшись до зала поминок, человек в маске окинул взглядом гробы, и его глаза покраснели. Опрокинутый гроб водрузили на место, а тела, стараниями Цин Юя и остальных, вернули внутрь. Умершие заслуживали покоя, к тому же среди погибших оставалась беременная женщина. Оставить их непогребенными было уже само по себе жестоко, а если бы тела так и валялись на полу без присмотра, это переходило все границы.

То ли имя благодетеля Хун Я было слишком преувеличенным, то ли слухи ввали, но за столько дней, помимо преследуемого ими человека в черном и их самих, карауливших в засаде, на Виллу Красного Клена никто так и не заглянул. Начиная с третьего дня, здесь не появлялся ни единый человек, желавший возжечь благовония.

Мужчина в маске приподнял крышку гроба и, вглядевшись в источающие смрад тела и неестественно выпирающие животы, залился горькими слезами, припав к краям гроба.

Если бы этот человек не имел ни малейшего отношения к Вилле Красного Клена, в это поверил бы только дурак. Ниточки расследования обрывались едва ли не на самом старте: у Хэ Чжаньюу практически не было точек соприкосновения с виллой, не говоря уже о кровной вражде. Ли Боюэ погиб двадцать лет назад, и распутывать такое дело за один-единственный день было невозможно. Теперь же на Вилле Красного Клена объявилась прямая, явная улика, и если бы Цин Юй и остальные упустили ее, они бы себя не простили.

— Братец, если тебя гложет какая беда, поведай нам, мы поможем покумекать, — Цин Юй протянул руку и дружески хлопнул незнакомца по окривевшему плечу.

Мужчина поднял покрасневшие глаза и, резко развернувшись, попытался броситься бедрами наутек.

Цин Юй ловко схватил его за ворот и притянул обратно:

— Я ведь не тигр и не чудовище, чего ты пугаешься?

Однако в сердце незнакомца Цин Юй казался куда страшнее любого дикого зверя!

Видя, что разговоры не помогают, Цин Юй попросту вырубил беглеца ударом ребра ладони, сорвал с его лица черную маску и при свете луны уставился на распухшее, похожее на свиную голову лицо.

Хуа Юньгэ и Цин Юй тихонько уволокли пленника в постоянный двор, велел Цин Янь осмотреть его — как бы ненароком не отдал Богу душу.

Бросив взгляд на опухшую физиономию с синяками, Цин Янь холодно бросил:

— Пчелиный яд. Противоядие найдется.

Обернувшись, он извлек баночку с чернеющей мазью, тщательно смазал лицо больного и принялся вправлять выбитые суставы на его ногах. Мужчина глухо застонал от резкой боли; то ли Цин Юй приложил слишком много сил, то ли от чего-то еще, но в сознание бедняга так и не пришел.

— Этот яд причиняет невыносимую боль, а бедолага и без того давно толком не спал, мазь обладает снотворным действием, так что до утра он не проснется, — пояснил Цин Янь.

— Тогда пойду посплю, я последние дни тоже глаз не смыкал, — бросил Цин Юй и удалился.

— Я тоже к себе. Позовите, как очнется, — отрезал Хуа Юньгэ и последовал его примеру.

Не выспались и оба евнуха, особенно евнух Пань, который от переживаний за Чу Ланя исхудал за сутки на целое колено.

Две бесшумные тени незаметно приблизились к кабинету Сун Вэньюаня. Чу Цзюсюй подал знак рукой, предупреждая о засаде.

Цзин У выпустил Чуньнин, и та бесшумно скользнула к затаившемуся в темноте человеку. Едва тот почуял неладное, змейка уже молниеносно впилась ему в плоть. Бедняга рухнул на крышу, не успев даже пикнуть. Цзин У подошел и влил в синеющие губы бесчувственного стражника пилюлю противоядия — жизнь ему сохранили, но в себя тот придет еще нескоро.

Приближение Чуньнин не смог бы заметить даже И Вэнь, а этот мужчина явно превосходил его в боевом искусстве, но, столкнувшись с Чуньнин, погиб, едва начав действовать.

Чу Цзюсюй и Цзин У перемахнули через стену и проникли в кабинет. Внутри царил крошечный мрак, но ночное зрение у обоих было отменным, и при скудном лунном свете они без труда разглядели обстановку. Обыскав помещение вдоль и поперек, Цзин У легонько нажал на чернильницу, и книжный шкаф бесшумно отъехал в сторону, обнажая скрытый проход.

Они шагнули внутрь, и створки шкафа медленно сомкнулись за их спинами. Продвигаясь вперед по туннелю, они вскоре вышли к каменной комнате. Цзин У толкнул тяжелую дверь. Внутри горели свечи, и Чу Цзюсюй откинул белое покрывало, обнажая ряд стоящих ниже табличек:

«Дух отца Ли Боюэ!»

«Дух матери госпожи Ли, урожденной Сун!»

Они с Цзин У переглянулись. Если приемным сыном Ли Боюэ значился подобранный Хун Я Хун Ли, то раз этот Сун Вэньюань тоже приходился сыном Ли Боюэ, один из них явно был самозванцем. Чу Цзюсюй больше склонялся к тому, что фальшивкой являлся именно Хун Ли. Оставим в покое вопрос со сменой фамилии — ни один здравомыслящий человек не станет так открыто выставлять напоказ чужие поминальные таблички.

Тогда возникал закономерный вопрос: кем же на самом деле был старший молодой господин Виллы Красного Клена?

Чу Цзюсюй водворил белое полотно на место точно так же, как оно лежало, и последовал за Цзин У из каменной палаты. Цзин У нащупал на стене затаенный рычаг, и плита сдвинулась, открывая новый проход. Чу Цзюсюй шагнул первым; туннель сужался, и им обоим пришлось идти согнувшись в три погибели, пока они не выбрались наружу.

Среди сплетения ветвей возвышалась высокая каменная пашня, вокруг которой толпились несколько силуэтов.

— Девять поворотов, — произнес Цзин У. — Здесь только шесть.

Прохождение первой ступени «деяти поворотов» считалось самым безопасным, девятой — смертельно опасным. По преданиям, кроме создавшего их старца Му Даоцзы, еще никому не удавалось благополучно выбраться из лабиринта.

Поскольку познания Чу Цзюсюя в механизмах были поверхностными, он спросил:

— Заглянем внутрь?

Цзин У слегка кивнул:

— Идем.

Едва окружающие у башни обернулись, как две фигуры уже растворились в проеме. Цзин У шел впереди, уверенно и привычно разгадывая ловушки на ходу.

Поднимаясь по ступеням четвертого яруса, Чу Цзюсюй поинтересовался:

— Откуда у тебя такие познания в этих штуковинах?

— Бедняку монаху довелось однажды одолеть шестиступенчатый лабиринт, — пояснил Цзин У.  
— Закономерности в них искать сложно, но стоит отыскать ключ — и взломать их не так уж трудно.

В глазах Чу Цзюсюя мелькнул огонек:

— Научишь меня!

Цзин У возразил:

— Постижение механик требует предельного терпения, нельзя ошибиться ни на шаг. Бедняк монах постигал это двенадцать лет, а на разгадку шести ступеней ушло полгода, лишь теперь мне под силу осилить семь.

Слова обычно немногословного Цзин У сводились к простому: тебе это не по зубам!

Чу Цзюсюй нахмурился:

— Терпения у меня всегда хватало, почему я не могу научиться?

Цзин У вновь ответил уклончиво:

— Большинству людей это ремесло не дается вовек, а иные шагают в него с легкостью, едва переступив порог.

Иными словами — у тебя нет к этому способностей!

— А сколько времени потребовалось тебе, чтобы постичь основы? — с легким раздражением бросил Чу Цзюсюй.

Цзин У прочел про себя молитву:

— Ами табха. В Храме Защиты Государства множество книг, бедняку монаху стоило лишь взглянуть, чтобы всё понять.

Я и впрямь у приемных родителей не в чести!

Хмыкнув, Чу Цзюсюй процедил:

— Раз ты такой выдающийся, что же не установил механизм в Зале Минхэ!

— Тебе туда не пройти, — ровным, бесцветным голосом отозвался Цзин У.

Чу Цзюсюй поперхнулся от злости — в механизмах он был полным профаном, простые преграды мог снести грубой силой, а вот над сложными ловушками оставалось только ломать голову. Он так разозлился, что перестал разговаривать с монахом!

Не поднимая головы, Цзин У произнес:

— Бедняку монаху довелось изучить немало механизмов, я могу обучить тебя способам их взлома.

— Правда? — в глазах Чу Цзюсюя вновь вспыхнул интерес.

— Разумеется, — Цзин У шагнул на пятый ярус.

Чу Цзюсюй торопливо последовал за ним:

— Ты же монах, не смей отказываться от своих слов!

Цзин У с удивительно мягким выражением лица выдал краткое:

— Мм.

Пятый ярус оказался совершенно пустым, если не считать четырех человеческих фигур, высеченных в виде углублений в стенах, и размашистых иероглифов, косо исчерчивавших каменную кладку.

«Для преодоления сего массива требуются две пары любящих друг друга супругов!»

Чу Цзюсюй озадаченно спросил:

— Неужели Сун Вэньюань и остальные дошли в своих поисках именно досюда?

Цзин У слегка кивнул.

— Четыре пары любящих супругов... Не в этом ли истинная причина, почему Хэ Чжанью разыскивал именно такие пары?